Эта история написана от лица человека, которого нет и никогда не было, недаром я не дал ему даже имени. Хотя, не скрою, герой явился мне под впечатлением от жизни и смерти неутомимого исследователя природы Виталия Николаенко, памяти которого и посвящается рассказ.

1. ИЗБУШКА НА РУЧЬЕ ОРЛАНЬЕМ

Я мыслю, когда разговариваю. Так уж устроен мой мозг. Молчу — и мыслей нет, дремотная пустота обволакивает голову, тяжелит, а заговорю — начинаю думать, искрить, сплетать канву разговора. Мне легко даются длинные монологи, я умею развить сюжет. Любой словесный экспромт для меня — пустяк. Я уверен, что мог стать неплохим актёром, чтецом, потому что во время монолога умею следить за речью, контролировать её и даже любоваться ею, потому что за свои шестьдесят лет здорово научился болтать. Болтливость — удел самовлюблённых и тщеславных людей, а я именно такой. Мне нужен не просто собеседник, а благодарный слушатель, перед которым я непременно распущу хвост. Пусть он молчит или — ещё

лучше — поддакивает, похваливает меня, и тогда я быстро войду в раж и оседлаю настоящую велеречивость. Он увидит театр одного актёра. Прекрасного актёра, талант которого, увы, запрятан в недоступных глубинах лесной Камчатки. За сотни километров вокруг меня никого нет. Ни-ко-го. Я один — человек, который не умеет, не может молчать. Казалось бы, такое невозможно, так не бывает, но, проводя многие месяцы в одиночестве, я научился разговаривать сам с собой или говорить на диктофон. Так мне легче, так заполняется молчаливая пустота вокруг. Вот и сейчас я говорю сам с собой, сидя в удобном, самодельном кресле за дощатым, когда-то мною же сколоченным столом в своей самой любимой лесной избушке на ручье Орланьем.

Из-за своих умственно-речевых особенностей — неумения анализировать ситуацию молча, наматывая на усы чужой опыт, — я познавал жизнь не по книгам, а по собственным активным поступкам. Не помню случая, чтобы мне долго сиделось на месте, с той же книгой, я всегда рвался вперёд, пробуя судьбу на ощупь, на палец, порой — жестоко обжигаясь. Но, подув на обожжённое место, я бежал дальше. Почти тридцать лет я бежал до своей Горячей Долины, пока не наткнулся на неё. И столько же бегаю теперь по любимой Долине за медведями, изучая их жизнь. Бегаю и не могу остановиться. Говорю сам с собой и не могу наговориться. Теперь уж точно не остановлюсь и не наговорюсь, ведь привычка — вторая натура.

В чёрной стекляшке маленького оконца моей уютной избушки отражается яркий огонёк лампы и освещённая часть моего бородатого, стареющего, прямо скажем, лица. Когда-то в этой же стекляшке я отражался совсем другим. Но прошло тридцать лет.

Ах, лицо, лицо... Прямой нос, доставшийся от мамы, острые, пронзительные глаза с блеском мысли, ума, наблюдательности. Тонкие губы — мамины же. А вот небольшой подбородок и широколобость — от отца. Так говорила мама, потому что сам я отца не помню — он не вернулся с фронта, погиб почти перед Победой. И кудрявость от него досталась, как и непоседливость, активность, энергичность, пружинистость тела, походки. В принципе, человек я симпатичный, здоровый, а потому иногда жалею, что прячусь в этой глуши.

Стоп, стоп! Почему прячусь? Я здесь работаю. Мне это нравится, я давно занял эту нишу, меня знают как человека, живущего в лесу, исследующего повадки, поведение медведей, и мне по сердцу такая слава. Она меня не просто греет, а даёт силы продолжать жить здесь из года в год, месяцами, вылетая в Петропавловск только по необходимости. Зато как я люблю прилетать в Петропавловск! А ещё больше — в Москву или Петербург. Ведь меня встречают, как героя, как необычного, лесного человека, штучного индивидуума, живущего один на один с дикими медведями, разговаривающего с ними! Французы так и назвали свой фильм обо мне: "Человек, разговаривающий с медведями". Только таким я всем интересен, всем нужен. Все обожают меня, любят, завидуют мне.

Завидуют! И, признаюсь, в этом моя сила. Конечно, они не знают, что я разрываюсь между одиночеством и любовью к общению. Не знают, что только тщеславие останавливает меня, чтобы не бросить такую жизнь и осесть в городе. Они многого не знают обо мне, и в этом тоже моя сила. Я для них — человек-легенда, мне это нравится, и я постараюсь оставаться легендой как можно дольше.

На часах не так уж много времени, но кажется, пора подбросить дров в печурку да ложиться спать. Надо выспаться, чтобы завтра быть бодрым. Если не придёт вертолёт, чтобы забрать меня в город, то я обязательно встану на лыжи и ещё разок сбегаю к Верзиле. Этот крупный медведь занимает сейчас все мои мысли. Я обнаружил его летом на берегу ручья Орланьего, где всегда встречал Потапыча. Тогда и понял, что моего любимого старика Потапыча больше нет, а его место занял новый крупный самец, доминирующий в округе. Надо было заводить с ним знакомство, на что потребовалось всё лето. Верзила оказался медведем с характером, до сих пор не принял меня, и я пользовался любой возможностью, чтобы оказаться у него на глазах, постепенно приучая к своему присутствию. С приходом зимы все медведи на

побережье постепенно залегли в берлоги, и только Верзила до сих пор обходит не замёрзшие до поры ручьи и кормится поздним лососем — кижучем. Вчера я встретил его в четырёх километрах от избушки, на Тёплой протоке, где мой любимчик Потапыч каждый декабрь ловил рыбу, не в силах оставить это непростое, но вкусное занятие, чтобы лечь в спячку. Теперь эту протоку отыскал Верзила, отвоевал её у других, и я постараюсь ещё раз сбегать к нему и понаблюдать за новым медведем, сделать свежие фотоснимки. Если же улечу, то вновь встретимся с ним только в июне, когда он проснётся и обязательно придёт на свежую травку Горячей Долины, где я в это время обычно уже поджидаю своих подопечных.

Потерю Потапыча я переживал сильно, как потерю близкого человека. Ещё бы, ведь мы с ним прожили бок о бок двадцать лет, досконально изучив друг друга. Каждую весну, придя в Долину, он сразу узнавал меня, а я из десятка медведей, пасшихся на ранней траве, безошибочно определял Потапыча. Он единственный из медведей дозволял мне приближаться к нему почти вплотную, а нечаянно застигнутый мной на лёжке, лишь слегка поднимал шерсть на загривке и косил глазами, не поднимая головы. Я знал, что первые годы нашей дружбы он считал меня более слабым сородичем, который постоянно сопровождает его, стремясь подкормиться объедками. Он даже не ревновал меня к своей территории, потому что был уверен в моей никчёмности. Иногда он до того снисходил к моей слабости, что оставлял для меня недоеденную рыбу или кусок падали. Позже Потапыч догадался, что я не медведь, а человек, но уже успел привыкнуть ко мне и продолжал терпеть моё близкое присутствие. До определённой степени он доверял мне, а я до такой же степени доверял ему. Так мы и жили друг возле друга, обоюдно замечая приход нашей старости. А нынешней весной я впервые не нашёл Потапыча в Горячей Долине. Пришли его подруги, мамаши его детей, пришла подросшая молодёжь, но Потапыча не было. Он пропал. Может быть, сам ушёл, оставив район более молодому и сильному Верзиле, а мог и погибнуть в последней схватке.

Появление здесь Верзилы для меня стало неожиданностью. В Горячей Долине и в прилегающей местности я знаю всех медведей, но Верзилу никогда не видел. Именно поэтому он сразу вызвал мой интерес. Почему доминантом стал Верзила, а не Лопоухий, которого я прочил на место состарившегося Потапыча? Откуда он взялся, где жил, как нашёл нашу Долину? Как он смог обойти мощного, полного медвежьих сил Лопоухого, и почему тот в первую же весну после исчезновения Потапыча вынужден пастись на самой кромке Долины, возле снегов, поедая старые корешки кустарников вместо сочной травки? Даже молодые самки осмеливались издали показываться на глаза Верзиле, а Лопоухий — нет. Когда они успели определить иерархию, если я прилетел в Долину буквально в дни первого схода снега, когда здесь ещё не было ни одного медведя? Вот загадка.

Правда, я не сразу понял доминирующую роль Верзилы и, если честно, не сразу разглядел его, чтобы начать узнавать. Сначала думал, что это ещё один мой знакомый рослый самец Длинноруб взял реванш за свои былые унижения в драках за самок с Потапычем и Лопоухим, но когда встретил Верзилу на Тёплой протоке, где всегда рыбачил Потапыч, и хорошо разглядел его, то сразу всё понял. Но встретились мы вплотную только недавно, в предзимье, а летом почти не пересекались, поэтому мне важно понаблюдать за ним сейчас, перед его зимней спячкой. И завтра я обязательно пойду к нему на Тёплую протоку.

Как-то летом, коротая ночь в дальней избушке на ручье Гольцовом, который у самого океана впадает в знаменитую на Камчатке реку Шумную, я не спал и всё думал о Потапыче. И вдруг отчаянно разрыдался. Не было сил удержать слёзы, они выходили из меня без моей воли. Тогда я отчётливо осознал, что никогда больше не увижу своего любимого медведя. Дорогой мой Потапыч, что же с тобой случилось? Где тлеют твои кости? Увы, этого никому не дано знать. А ведь когда-то я думал, наблюдая за стареющим Потапычем, что постараюсь подсмотреть приход его смерти, опишу эту практически неведомую людям картину. Но не удалось. И, наверное, это к лучшему,

иначе зрелище стало бы для меня нестерпимым. Но тогда я не мог знать, что, потеряв Потапыча, почувствую невыносимую боль утраты.

Проплакавшись, дав волю чувствам, я вытер слёзы и вышел в прохладу ночи. Вдали шумел океан, шелестели под ветром тучные травы, мигали звёзды, за устьем Шумной кричала болотная сова. И я подумал, что всё это останется и после меня, и совсем другой человек будет сидеть на моей скамеечке возле дверей этой избушки и слушать ночные звуки природы. Наверное, подумает и обо мне, и в его сердце толкнётся жалость от того, что я, бывший хозяин избушки, её строитель, уже ничего не слышу и не вижу. Но таковы законы природы, и с этим надо мириться. И я смирился. Но постоянно думал о Потапыче. И даже свою книгу, которая минувшей весной была готова к сдаче в издательство, книгу о камчатских медведях, я хотел посвятить памяти Потапыча. Всерьёз хотел. Но не решился, а, наверное, зря. Почему же людям книги мы посвящаем, а медведям, животным — нет?

Как сейчас помню нашу первую встречу с Потапычем. Боже мой, это было уже более двадцати лет назад! Какими мы были с ним молодыми! Мне не было ещё и сорока пяти. Но к тому времени я уже десять лет работал в заповеднике, у меня был мой первый любимчик — медведь Карнаухий, я умел неплохо фотографировать и кое-что понял в поведении бурого медведя. Словом, я не был новичком в исследовании этого хищника, поэтому Потапыч встретился мне как раз вовремя. Была середина октября. Берёзовый лес стоял голый, от первых заморозков уже пожухла и упала трава, поэтому сквозь редколесье всё просматривалось далеко вокруг. Небольшие заводи в речках схватывались ледком. Пахло прелью и древесными грибами. Дали сделались прозрачными и резкими, и каждая морщинка на склонах сопок Зубчатая и Кихпиныч были хорошо видны. Я шёл от избушки к ручью Орланьему, весело и беззаботно помахивая пустым ведром, когда вдруг увидел среди старых кривых берёз очень крупного медведя бурого окраса без особых отметин и примет. Он тоже направлялся к ручью наискосок моей тропинке. Я резко присел, осторожно поставил ведро и вытянул голову. Медведь не видел и не чуял меня. Я стал наблюдать. Подойдя к ручью, он, не останавливаясь, резким прыжком бросился в воду, поднимая веер блеснувших на солнце брызг. Похоже, рыба ускользнула от его лап, он вышел на землистый, покрытый упавшей травой берег, присел в выжидающей позе и почти сразу опять прыгнул в ручей. На этот раз в его когтях бился крупный, клювастый самец кеты. Медведь лёг прямо в мелкой воде и принялся есть рыбу. За несколько больших укусов съел туловище, начиная с хвоста, затем тщательно выгрыз мозговые хрящи, а уже после этого взялся за жабры и челюсти.

Я инстинктивно потянулся к фотоаппарату, который обычно висит у меня на шее. Но фотоаппарат остался в избушке. Такой момент упускать было нельзя и, мысленно уговаривая медведя порыбачить подольше, я, низко пригибаясь, побежал назад. "Михайло Потапыч, не уходи, будь добр", — то и дело повторял я шёпотом, и после, вспомнив это, назвал медведя Потапычем. А он так увлёкся рыбалкой, что не видел и не слышал меня даже тогда, когда я, охваченный азартом, перешёл на другой берег ручья и снимал рыболова почти в упор, нависая над ним с кручи. При мне он поймал нескольких рыб, и всё это были самки. Их он выносил на берег, чтобы, съев туловище и голову, слизать с камней липкую, ярко-бордовую икру.

Прыгнув в очередной раз в воду, Потапыч всё же заметил блеснувший на солнце объектив моего фотоаппарата. Но в его лапах уже билась рыба и, не в силах отказаться от добычи, он выкинул её на низкий, противоположный от меня берег, вымахнул туда сам и, казалось, тут же забыл обо всём, но, съев рыбу, великан поднял голову и долго внюхивался, тревожно глядя в ту сторону, где две минуты назад заметил блик объектива. Но я уже перебежал в другое место и затаился, не упуская медведя из виду. Вскоре он успокоился, опять залез в ручей, обшарил яму под нависшей кручей высокого берега, ничего не поймал и, поднимая тучи брызг, быстро пошёл вниз по ручью. Я понял, что он уходит, не желая искушать судьбу. Ну, что же, с удовлетворением подумал я, до свидания, Потапыч, ты хорошо позировал, сам того не зная. Думаю, у меня будут уникальные снимки!

Вернувшись в избушку, я ещё долго переживал эту неожиданную и удачную встречу. Тогда эту избушку на Орланьем я только достраивал, работы было много, но вечером, обдумав ситуацию, решил, что назавтра оставлю работу и пойду искать Потапыча. К тому времени я уже задумал большой научный труд, основанный на наблюдениях за пищевым и брачным поведением бурых медведей, хотел браться за него с весны, но встреча с Потапычем изменила планы, подтолкнув начать в ту же осень. Уж очень крупный попался самец: колоритный, могучий, лобастый! Я мысленно представил себе, как удивлю мир снимками, рассказами и публикациями о нём. Это вам не трёхлеток с пугливым взглядом, каких я снимал после Карнаухого, это достойный объект наблюдений, крупнее Карнаухого! Думаю, он станет достойным компаньоном в научной работе!

Так появился в моей жизни удивительный медведь по кличке Потапыч.

На другой день я пошёл по следу Потапыча. А он и не уходил далеко, ночевал у Дятловой излучины, в нескольких километрах от моей избушки, вниз по ручью Орланьему. Я обнаружил его быстро. Он опять рыбачил, вытаскивая на берег кету за кетой. Весь день я крался за ним, отсняв несколько плёнок и отхронометрировав все его действия. Это была несомненная удача!

С тех пор от Потапыча я уже не отставал, выискивая его ранней весной в Горячей Долине, а затем всё лето и осень наблюдая на Орланьем. Потапыч научил меня многому. Я условно принял его самого и его поведение за эталон и, описывая других медведей, сравнивал их с Потапычем. Это давало возможность определять их приметы, возраст, характеры, привычки и склонности наиболее объективно и точно. К тому же вскоре я смог убедиться, что Потапыч — доминант в районе Горячей Долины, что позволяет себе забредать на чужие территории, пугая их хозяев, отбирать у них богатые рыболовные места на реках. Расширялся и мой круг знакомых Потапыча. Вскоре я уже мог без ошибки узнавать огромного, но пугливого Длинноguба, мстительного гиганта Лопоухого, осторожную Снежинку, легкомысленную, игривую Актрису, которая всякий раз, когда подходил срок, рожала по три медвежонка, но к осени всегда оставался только один, красавицу Неженку, весёлого Пятачка, очень серьёзную даму, прекрасного медвежьего педагога Директрису. Я полюбил этих медведей, как близких людей, открывая в них всё новое и новое. Лишь вероломный Лопоухий временами вызывал у меня негативное отношение к себе, так как я начал подозревать, а затем нашёл доказательства того, что это он умудряется убивать и съедать детей Актрисы. Только один из них погиб по недогляду не очень заботливой мамаши, остальные пропавшие медвежата были на совести Лопоухого.

Но в тот первый год встречи с Потапычем я ничего этого ещё не знал, но так увлёкся наблюдениями, что задержался на Орланьем до самого декабря. Я ещё не наткнулся на Тёплую протоку, хотя начал догадываться, что медведь долго не ложится в берлогу из-за обилия рыбы в незамерзающей реке, в которую где-то впадает ключик из горячего источника. Я шёл по следу Потапыча, то и дело набредая на только что оставленные им лёжки. Он уже тогда почему-то терпел меня. И это придавало мне уверенности в относительной безопасности моих наблюдений. Несколько раз Потапыч отгонял меня неожиданными разворотами и коротким пробегом в мою сторону, но настоящей агрессии в нём не было. Я ждал, когда он уйдёт в берлогу, чтобы по следу найти её. Но каким бы ни было медвежье доверие ко мне, в берлогу он ушёл незаметно, воспользовавшись большим снегопадом. Снег начался вечером и шёл всю ночь, а когда я проснулся, очистил крышу избушки, прокопал дорожку в дровяник, позавтракал и, как всегда, отправился на поиски Потапыча, то на свежем снегу не обнаружил ни одного следа. И русло реки укрылось белым пушистым одеялом. Медведь ушёл спать. Тогда и я угомонился, вызвал вертолёт и вылетел в Петропавловск.

Намолчавшись в долгом одиночестве, в городе я, как всегда, не мог наговориться. Особенно доставалось семье, вынужденной то и дело слушать мои рассказы. Жена, конечно, не одобрила моё увлечение очередным медведем, потому что это грозило нам частыми и долгими разлуками, как уже было после знакомства с Карнаухим, пока я не оставил его в покое, построив

себе избушки на Орланьем и Гольцовом, переселившись ближе к океану. Зато как я потряс своих коллег из заповедника и друзей снимками огромного, фотогеничного, великолепного Потапыча! "Как это вообще возможно — так близко снимать взрослого медведя, гиганта?" — удивлялись все. А я увлечённо рассказывал им о своих наблюдениях за Потапычем и о том, что он непостижимым образом подпускает меня к себе почти вплотную. Так зарождались легенды обо мне, росла моя известность. Но так рождалась и моя книга о камчатских бурых медведях. Она уже готова, и, наверное, продаётся в магазинах Петропавловска. Интересно, как покупается, какие имеет отзывы? Задумал я её очень давно. Сначала хотел назвать "100 фотографий камчатского медведя", но постепенно созрело решение дать в книге не только фотографии, но и пространный, выверенный текст, в котором рассказать и о медведях, и о моих наблюдениях за ними. В результате так и сделал.

Чу, хватит болтать! Что за странные звуки под окном, за стеной избушки? Как будто бы фырканье и скрип снега. Уж не Верзила ли в гости пожаловал? Или росомаха?

Я быстро задуваю лампу и пытаюсь вглядеться и вслушаться в темноту ночи за оконцем. Так и есть, снег скрипит под тяжёлыми медвежьими лапами. Вот он снова фыркнул, обнюхав лыжи, которые я всегда оставляю в снегу возле тропинки. Легко боднул дверь. Но мою дверь так просто не откроешь. К тому же она ведёт только в тамбур, а внутренняя дверь избушки ещё надёжней. Всё у меня продумано, так что, гость незваный, уходи восвояси, завтра поговорим, если я тебя разыщу.

Все избушки у меня добротные, рубленые, сам строил. А эта — лучшая, любимая. В ней мне ничего не угрожает. Когда-то я боялся медведей, которые гуляют в заповеднике, словно коровы на пастбище, — десяток на несколько километров округи. Даже одно время держал собаку, которую, правда, не брал на обходы и наблюдения. Уж она лаяла, лаяла — до хрипоты, кидаясь к двери. Мне это надоело, и я, наконец-то, завёл ружьё. Но с собой его тоже никогда не беру, оно всегда в избушке, на стене. Если ухожу в другую избушку, то, конечно, забираю. А так — ни-ни. Вот и сейчас висит на месте. А в рюкзаке — баллончик с газом и пара фальшфейеров. Баллончик ни разу применить не пришлось, но, говорят, медведи газ очень не любят. Так что...

Вижу через окошко мелькнувшую в темноте слабую тень. Наверное, пошёл вокруг избушки. Но у меня хулиганить не с чем, всё в тамбуре. Разве что в дровяник залезет, дров наломает.

Ладно, ложусь спать. Удовлетворит любопытство и уйдёт, чего его караулить. Лёжа в спальном мешке, ещё долго вслушиваюсь в тишину за бревенчатыми стенами. Да, ушёл Верзила, ни звука снаружи. Засыпаю я быстро, потому что замолкаю, мысли уходят, прячутся, и я проваливаюсь в крепкий сон.

2. ПО СЛЕДУ ВЕРЗИЛЫ

Утром выхожу на связь. Из города сообщили, что сегодня вертолёта за мной не будет, может быть, прилетит завтра. Ну, что же, тогда начну действовать по плану — пойду искать Верзилу. Тем более что и я стал ему интересен, он даже подошёл к избушке. Его вчерашние следы хорошо сохранились на смерзшемся за ночь снегу. Верзила обошёл моё жилище дважды, сунул нос в дровяник, оставив пару тёмных волосков на занозистой кромке досок, а затем ушёл к реке. Наверняка уже рыбачит на Тёплой протоке.

Пока на печке певуче вскипает чайник, я сажусь за дневник, чтобы описать вчерашний приход Верзилы. А в голове свербит одна и та же мысль: "Зачем-то же он приходил. Зачем? Почему оставил рыбалку и потащился сюда по снегу, пусть пока ещё и не очень глубокому?"

Медведь — существо загадочное, плохо изученное. Я хожу за ними тридцать лет, а круг незнаемого только расширяется. Потому и не могу остановиться, прекратить свои наблюдения. Мне необходимо ещё года два-три, чтобы появилось моё личное, более или менее законченное представление о поведении

медведя. Тогда я смогу серьёзно говорить и писать о нём. Его биологией я не занимался, хотя всегда этого хотел. Я занимался этологией, поведением зверей в естественных условиях. Занимался старательно, упорно, стирая белые пятна одно за другим, но они всё равно оставались, и жизнь каждый раз подбрасывала новые, в том числе — вчерашний поступок Верзилы. Я не могу объяснить его неожиданный приход в гости. Не могу, но должен. А для этого необходимо вступить с ним в контакт.

После плотного завтрака собираю рюкзак, одеваюсь. Смотрю на ружьё, но всё же решаю его не брать — помешает работать с фотоаппаратом. Если что, воспользуюсь фальшфейером или газовым баллончиком.

Выйдя из сумрака избушки наружу, жмурюсь от яркой голубизны неба и белого снега. Лес вокруг безмолвен. От дровяника в сторону речки идёт извилистый, глубокий медвежий след. Шёл не спеша, по-хозяйски. Неужели понял, что я затаился и побаиваюсь его?

Надеваю лыжи и иду тропить след. Он приводит к речке, струйки которой деловито переговариваются под снегом. Лёд уже прочный, медведь прошёл, не провалившись. Так и есть, идёт к Тёплой протоке, где льда не бывает всю зиму. Скоро конец декабря, а Верзила никак не может бросить рыбалку и лечь в берлогу. Значит, позднее залегание в спячку не было индивидуальным признаком Потапыча, причина, как я и думал всегда, — в незамерзающем участке реки, где постоянно держится лосось. Однажды Потапыч лёг в берлогу только в первых числах января. Сколько продержится этот?

В километре от протоки оставляю медвежий след и вновь перехожу Орланий, чтобы спрямить путь и осторожно выйти на медведя с другой стороны. Ниже Орланий уже не перейти, там начинается протока. Обычно, когда медведь рыбачит, его слышно далеко. Но сейчас на протоке почему-то тихо. Да он же, наверное, в берлогу пошёл! Проверил, не буду ли я за ним следить, крепко ли сижу в избушке, и пошёл ложиться. Вполне вероятная версия, но надо в этом убедиться. И есть возможность найти берлогу! Три берлоги Потапыча я знаю, может быть, Верзила использует одну их них? Это очень интересно!

Я прибавляю шагу, затем крадучись, стараясь не шаркать лыжами, подхожу к глубокой излучине в Тёплой протоке. Выглядываю из-за снежной кручи. Никого, но берег истоптан медвежьими следами. Видимо, это вчерашние дневные следы, а ночью он прошёл мимо. Если я хочу найти берлогу, значит, надо вернуться на след Верзилы и придерживаться его. Не раздумывая более, разворачиваю лыжи и иду назад. Опять перехожу речку. Вот здесь я оставил след, а ведь действительно зря оставил — чуть дальше медведь подвернул влево и пошёл мимо Тёплой протоки. Вот это да! И ведь идёт, ни на что не отвлекаясь. Обычно на ходу медведь то и дело суётся носом в снег, вынюхивает мышей, корешки, влажную землю. А этот идёт ровно и даже не останавливается. Знать, спешил Верзила, хоть и не прибавлял шагу!

Спешу и я. Светлого времени в декабре не очень много, поэтому надо попытаться максимально пройти по следу. А вдруг удастся выйти к берлоге!

Впереди начинаются дремучие заросли кедрового стланика. Если Верзила залезет туда, значит, решил отдыхать. Как тогда быть мне? Подхожу ближе. Нет, медведь прошёл краем, направляясь от Орланьего на ручей Берложный, где часто строил свои зимние убежища Потапыч. Неужели и правда Верзила займёт одну из старых берлог предшественника?

Иду больше часа, запарился. Перед очередным подъёмом на небольшую сопку останавливаюсь, присаживаюсь на старую корягу, достаю термос с чаем и кусок хлеба с салом. Надо перекусить.

След ведёт меня в верховья Берложного на крутые склоны вулкана Кихпиныча. Сколько тут мною пройдено! Знаю каждое деревце, каждый ручеёк. Не раз ходил до реки Комаровой, а бывало — и до Кроноцкой хаживал. Сорок медвежьих берлог мною найдено и описано. И практически все — в этих местах.

Сквозь собственное смачное чавканье вдруг слышу далёкие крики кедровок. Это настораживает. Кто-то их беспокоит. Наверное, мой Верзила попался птицам на глаза.

Поднимаюсь, завязываю рюкзак, вешаю на плечи. Слюнявлю палец и пробую ветер. От меня тянет вверх. Значит, мог учуять. Придётся уходить назад и обходить его сверху. Берлоги здесь быть не может, уж очень место неподходящее, значит — лёжка. Хотя, кто знает...

Некоторое время топчусь на месте, так и не решив, что же предпринять. Если Верзила на лёжке, тогда идти опасно, ведь он мне не доверяет. А если всё-таки берлога? Тогда идти надо.

А чего я, собственно, боюсь? Здесь уже довольно крутой склон, на лыжах я с него скачусь мигом, а медведю по снегу да с таким-то жиром гнать меня не резон, только пугнёт. Пойду, как решил, — в обход, хотя идти придётся далековато.

Возвращаюсь назад до тех пор, пока совсем не смолкают тревожные крики птиц. После этого поднимаюсь круто в сопку. Приходится обходить заросли ольхового стланика, поэтому круг получается приличный. Поднявшись метров на пятьсот, останавливаюсь и перевожу дыхание. Так ходить в моём возрасте не всякий может! Но в молодости я ходил куда легче!

Хорошо, теперь попробую приблизиться примерно к тому месту, где может находиться медведь. Иду вдоль склона, скособочившись, ставя одну лыжу выше другой. Так идти неудобно, но что делать! Вскоре опять начинаю слышать крики кедровок. Не смолкают, словно вязкие собаки. Значит — зверь.

Молодой берёзовый лес, по которому я иду, обрывается широкой поляной с торчащими из-под снега дудками шеломайника. На другом конце поляны — сплошные заросли ольхи. В них и кричат кедровки. Я достаю бинокль и внимательно разглядываю ольховник. Да, вижу перелетающих с ветки на ветку кедровок. И все кружатся над одним местом. Но там только ольха, деревьев нет. Сомнительно, чтобы на продуваемом, влажном склоне залёг Верзила. Наверняка он только на лёжке, отдыхает, не тратит зря энергию, которая понадобится в спячке. Пробую увидеть его, но заросли мешают.

Что же делать? Наугад идти опасно — он может подняться в самый неподходящий момент. Неужели придётся возвращаться? И ведь придётся...

Постояв несколько минут в раздумье, принимаю решение уходить. Если Бог даст, завтра быстро добегу до этого места и пойду дальше по следу Верзилы. К тому времени он наверняка уже будет лежать в берлоге. А сейчас мне необходимо убедиться, что он действительно только отдыхает. Достаю из рюкзака топорик и с размаха бью обухом по стволу берёзы. Резкий звук удара эхом отдаётся в сопках со всех сторон. Кедровки разом смолкают, а в ольховнике еле заметно вздрагивает ветка. Он! На лёжке.

Выждав, когда птицы, так и не разобравшиеся, откуда донёсся неожиданный звук, продолжили сварливо и надоедливо кричать над медведем, я осторожно развернулся и своим следом пошёл назад. Я знаю, сейчас он уже слышит меня, но он понял, что я ухожу, поэтому быстро успокоится. И, может быть, продолжит дремать под привычные для него крики кедровок. Или встанет и, сделав круг, чтобы убедиться, что меня действительно нет, пойдёт дальше. Ему уже не терпится скорее залечь в берлогу — природа берёт своё. Но на подходе к берлоге он должен запутать след.

По пути домой, монотонно двигая тяжёлыми лыжами, почему-то думаю о человеческих трагедиях, связанных с медведями. Вспоминаю японского фотохудожника Хоши, погибшего у нас на Камчатке. Он двадцать лет изучал на Аляске гризли, в одиночку забирался в такую глухомань, где до него никто не был, хорошо знал медвежьи повадки. Его красочные фотоальбомы покорили сердца любителей природы всего мира. Он жил медведями и с медведями. А когда стал возможен приезд на Камчатку, Хоши объявился в конторе заповедника с просьбой разрешить ему снимать наших самых крупных медведей. Он мечтал о снимке зверя ростом более трёх метров, потому что гризли Аляски сильно помельчали, и бурые гиганты остались только у нас. Ему разрешили поехать на юг полуострова, на Курильское озеро, где он увлечённо работал много дней. Позже туда же прилетели японские кинодокументалисты снимать фильм о своём знаменитом земляке Хоши. Может быть,

их появление расслабило мастера? Ведь любая съёмка, даже документальная, требует игры. Он и разыгрался под объективами видеокамер, вошёл в образ смелого чудака, у которого медведи — закадычные друзья. В ту ночь он лёг спать в палатке, проигнорировав приглашение занять место в домике. А утром пришёл гигантский медведь, который вытащил парня из палатки, убил и, взяв зубами за шею, уволок в густые заросли. Вокруг прыгали с фонариками и газовыми баллончиками кинодокументалисты и наш егерь, но ничего уже сделать не смогли.

Медведь редко нападает на человека, в основном — защищаясь или отпугивая, когда человек переходит границу дозволенного, безопасного для медведя расстояния. Почему он напал на мирно спящего Хоши? Загадка. Я видел на видеокассете, как Хоши, фотографируя медведя с близкого расстояния, отворачивается от него, делая вид, что не видит зверя. И на медведя это действует, он мирно пасётся или рыбачит. Хоши знал и любил медведей. Но погиб именно от лап одного из них. Это судьба настоящего исследователя, рискующего ради нужного результата. Нет, себя я не упрекаю за сегодняшнюю неуверенность. Для риска не было причины. А если бы она была, я, конечно, рискнул бы, как делал это много раз.

Помню первое нападение на меня медведицы. Похоже, она только что отбила своего медвежонка у самца, была покусана и сильно раздражена. Я видел, как они прошли в заросли. Решение созрело сразу: надо обойти их, подняться чуть выше по склону и попытаться понаблюдать и сфотографировать. Но я не учёл непоседливости медвежонка. Он вскарабкался высоко на дерево, увидел меня, идущего краем леса, испуганно чуфыкнул, свалился на землю и побежал к матери. Та, услышав тревожное верещания дитя, приподнялась над кустарником, заметила меня и сразу же, не медля, бросилась наперерез через поляну. Сначала я побежал вверх, как шёл, но, оглянувшись, понял, что у неё скорость больше, она нагоняет. Тогда я рванул вниз, но на пути оказался глубокий овраг с крутыми склонами. Я свалился в него, а она — на меня. И подмяла под себя. Страшно не было, потому что вообще ни о чём не думалось. Надо было только выкрутиться, вырваться и убежать. По инерции она прокатилась чуть дальше, и мне этого хватило, чтобы вскочить на ноги. Но медведица снова бросилась на меня, оттолкнувшись всеми лапами. Из её ощеренной пасти обильно текла слюна. Я упал под неё, и она снова кубарем пролетела дальше по дну оврага. При падении с меня слетели фотоаппарат, штатив, бинокль, полевая сумка. Без снаряжения я стал ловчее, поэтому ещё пару раз выкрутился из-под неё, ухватился руками за какой-то куст, растущий на крутом склоне, подтянулся и выскочил наверх. Ей же сразу выскочить не удалось. Я побежал дальше вниз. Преследовать меня она не стала, вернулась к медвежонку.

Я бежал до реки, перебрёл её и остановился, чтобы перевести напрочь запалённое дыхание. Ещё некоторое время я видел, как медведица шла рысью вверх по склону, как раз туда, куда до этого поднимался я. Когда она окончательно скрылась из виду, силы меня оставили, и я мешком рухнул в траву. Полежав, начал раздеваться. Комариных укусов голое тело не чувствовало. Я вошёл в реку и лёг животом в холодную воду, затем переполз глубже. Вода меня взбодрила.

Странно, но на мне не оказалось ран, всё обошлось очень удачно. Я шёл в избушку, словно в бреду. Потом вдруг вспомнил про снаряжение, оставшееся в овраге, вернулся, собрал всё в рюкзак. Боязни подходить к месту, где только что чуть не погиб, не было. Осторожность была, а большого страха не было. Просто подсознанием я понял, что выкрутиться всё же можно. И я продолжал работать, наблюдать медведей, даже встречал свою роковую медведицу с подросшим медвежонком, фотографировал его.

Вообще, с медведем надо жить так, чтобы он не чувствовал к тебе страха. Он не видит в человеке добычу, видит только соперника. Но всегда уклонится от встречи. А если ты встречу спровоцируешь, постарается убежать, каким бы сильным и матёрым ни был. Правда, если это доминант, тогда он может приревновать тебя к своей территории. С доминантом надо быть осторожней, на его пути лучше не стоять, уступить ему. Но и он просто так

в схватку с тобой не кинется, уйдёт. А если кинется, то лучше бежать, этим ты ему доставишь огромное удовольствие, и он прекратит преследование очень быстро, ведь его главная цель — не убить тебя, а прогнать, испытать превосходство. Медведь никого не терпит рядом с собой, эти звери — крайние индивидуалисты. И эгоисты. Каждый занят только собой, своими делами и проблемами. Ни до тебя, ни до своих сородичей дела им нет. Только в пору спаривания самец ищет самку, затем вновь живёт исключительно один, делая большие переходы по тундре и тайге. Встречаясь с сородичами, они либо избегают друг друга, либо дерутся, если между ними — пища или самка. Лишь доминант, показывая силу, прогоняет других медведей, остальные же после драки стараются быстрее разойтись, сохраняя внешнее достоинство. Даже холостая медведица постарается не побежать от самца, а уйти спокойно, шагом или хотя бы лёгкой рысью.

В избушку я вернулся как раз под урез светлого времени ещё до вечерней радиосвязи. На всю ночь наготовил дров, жарко натопил печь и сел за любимый стол писать дневник.

Мой дневник — это моё изобретение. Каждый сотрудник заповедника обязан ежедневно писать дневник наблюдений. Кому-то это в тягость, кто-то просто не успевает, потом навёрстывает, но это уже совсем не то, потому что многое забывается, пропускается. Тогда я придумал символы. Первое — это погода, затем наблюдения за природой. Каждое животное, растение и так далее имеет у меня свой символ. Глянул — сразу понятно. За долгие годы так к ним привык, что пишу, как иероглифами. Кроме того, веду обычный дневник. Здесь уж даю волю мысли. Писать — как разговаривать, голова работает чётко. Плохо, что устаёт моя грубоватая рука, больше привычная к топорику, ножу, поэтому пишу, конечно, мало. Но самое главное стараюсь записывать. А несколько лет назад начал свои впечатления наговаривать на диктофон. Очень удобно: говори, что хочешь. А в свободное время сел и расшифровал, перенёс в дневник. Теперь с диктофоном не расстаюсь. Но всё равно, дневники — каторжный труд, хотя материал в них собирается, конечно, уникальный.

Да, теперь я не тот мальчик, каким был лет до сорока. Я вырос, нагрузился кое-какими знаниями, многое понял в жизни. Конечно, помогло и одиночество, когда чувства и мысли обострены. Хотя испытание одиночеством выдерживают далеко не все. Кто-то тихо сходит с ума, кто-то начинает пить, а некоторые лезут в петлю. Меня спасает моё обостренное тщеславие. Меня не надо заставлять работать, надо лишь похвалить, упомянуть хоть в речи, хоть в печати, сослаться на мою работу, и я уже готов рвать постромки. Это и держит здесь. Но, если совсем честно, то теперь уже не только это. С некоторых пор держат и сами медведи. Именно медведи! По прилёту в город некоторое время я живу счастливо, а потом начинаю тосковать по своим медведям. Мне хочется их видеть! Но они спят в берлогах, и я терпеливо жду весны. А в мае, а то и в апреле, с замиранием сердца лечу в Горячую Долину. И вскоре туда начинают приходить проснувшиеся медведи. Какое счастье видеть их вновь! Как же мне повезло в жизни, что я работаю в заповеднике, где не производится охота, где животные чувствуют себя действительно дома. Поэтому их здесь так много, и они не боятся людей. Порой, проходя маршрутом, я насчитывал на десяти километрах до пятнадцати медведей. А когда идёт на нерест лосось, и у медведей начинается рыбалка, они встречаются на реке почти за каждым поворотом. И все — мои. Я как-то попробовал посчитать, сколько же встречено в жизни медведей. Получилось что-то около шестисот. Думаю, немало!

Ха-ха, вот даже сам перед собой хвастаюсь. Дурацкая привычка хвастаться. А ведь в первые годы моей работы в заповеднике я специально нагонял количество встреченных медведей. Для цифры, чтобы потом, в городе, как бы невзначай, назвать большую цифру и впечатлить, ошеломить, восхитить людей. Какой он, однако! На самом деле я просто бегал по Долине в поисках медведей и фотографировал их. Была мысль составить каталог, попробовать классифицировать их по внешним признакам. Бегал, фотографировал,

особенно и не запоминал, путался в них. Но постепенно увлёкся, начал читать, углубляться в тему. У меня нет биологического образования, поэтому никто не признавал всерьёз моих наблюдений, а тем более выводов. И тогда взыграло самолюбие, а ему помогло тщеславие. Я занялся самообразованием, начал поражать людей уже не только цифрами, но и уникальными фотографиями медведей. Мне надо было доказать миру, что я лучший. Ещё мне повезло и в том, что медведем занимаются единицы, да и то поверхностно, не системно. Это была открытая ниша — занимай, работай, не ленись! И я тридцать лет просидел здесь, на одном месте, методично, скрупулёзно занимаясь делом, которое с годами любил всё больше и больше. Теперь каждого медведя Долины я знаю в лицо. У меня не было учителей, коллеги всегда относились ко мне сначала пренебрежительно, затем — свысока, теперь — снисходительно. И это меня тоже подогревало, я самостоятельно лез наверх, я хотел им доказать свою состоятельность как исследователя, самоучки-учёного. И когда меня всё-таки перевели с должности инспектора заповедника в научные сотрудники, счастью не было предела. Значит, я доказал!

После этого я наметил себе серьёзную программу изучения бурого медведя. Поставил интересующие меня проблемы и стал их шаг за шагом решать. Теперь уж многое позади, можно начинать писать о медведе, но я всё откладываю, потому что боюсь пропустить очередной сезон и вновь не увидеть моих подопечных.

Так и живу месяцами с керосиновой лампой да рацией от аккумуляторной батареи. Даже бензиновый мини-генератор завести себе не могу, потому что боюсь этой удобной, милой тарахтелкой распугать медведей в округе. И собаки у меня нет. Разговариваю сам с собой. А прилетая в город, шарахаюсь от густого потока машин и пугаюсь мобильных телефонов, в которых так ничего и не понял.

Сейчас начнётся связь, может быть, что-то скажут по завтрашнему вертолёту. Включаюсь, настраиваюсь. Увы, передали, что вертолёта не будет. Как бы до Нового года здесь не застрять. Жена опять обидится.

3. ДУМА О МЕДВЕДЕ

Год назад, в это же самое время я вёл наблюдения за Потапычем и ждал, когда он соизволит бросить рыбалку на Тёплой протоке и ляжет в берлогу. День шёл за днём, наступил Новый год. Я не то что предвидел, но допускал случай, что придётся встречать праздник в поле, поэтому держал в заначке бутылку шампанского. В последний день декабря собрал рюкзак, взял видеокамеру со штативом, раскладной стульчик и отправился на протоку. Потапыч лежал на заснеженном берегу и лениво дожёвывал очередную добычу. На моё появление он почти не отреагировал, лишь слегка пошевелил округлыми ушами. Я подошёл метров на десять, укрепил на штативе камеру, включил запись, затем приблизился на дозволенные мне пять-шесть метров к медведю, поставил стульчик, сел и открыл шампанское. Закуску из сморщенных мандаринов, шоколадки и куска хлеба разложил на рюкзаке под ногами. Потапыч дремал, изредка шумно вздыхая.

Я был счастлив. И оттого, что нахожусь рядом с любимым медведем, и потому, что снимаю необычную сцену — встречу Нового года в лесу, возле парящей на морозе реки, на фоне дремлющего гигантского медведя. Конечно, во мне опять взыграл артист, но, чёрт возьми, как это было приятно!

— С Новым годом, дорогой! С Новым годом, моя радость! — поднял я тост, громко обращаясь к Потапычу, который, услышав мой голос, открыл глаза и слегка поднял голову. — Как я давно мечтал об этом! Как мечтал, Потапыч, встретиться с тобой в этот праздник. Но знал бы ты, сколько горечи принёс моей жене. Сейчас бы я встречал Новый год дома, как все порядочные люди. Но мы с тобой непорядочные.

Я повернулся к камере:

— Кто мог знать, что он останется на праздник со мной, да ещё вот здесь, на этой протоке, где мы с ним встретились двадцать лет назад. Я тогда

пошёл за ним с фотоаппаратом и вот хожу все эти двадцать лет. Потапыч! — я вновь позвал его, и он опять поднял голову, сонно жмуря маленькие, почти невидимые издали глаза. — Мой ты зверюга! Единственный зверюга, с которым можно по-человечески пообщаться! Пью за нас!

Я выпил. Потом еще долго сидел возле дремлющего Потапыча. Что держало его у протоки в столь позднее зимнее время? Почему он, с видимым усилием перебарывая сон, продолжал набивать рыбой брюхо, которое уже и без того волочилось по снегу?

Сделав ещё несколько планов видеосъёмки и сняв с десяток кадров фотоаппаратом, я собрал рюкзак и ушёл в избушку. После этого Потапыч рыбачил на протоке ещё несколько дней, но однажды исчез. Я пошёл по его следу, который привёл к берлоге, вырытой под толстой старой валежиной на террасовом склоне ручья Берложного. Потапыч спал внутри, громко посапывая. Одна из задних лап торчала наружу.

Ночью пошёл густой снег, который засыпал моего медведя до весны. Больше я его не видел. Может быть, он специально устроил мне праздник перед уходом в вечность? Попрощался со мной. Кто знает? Но сдаётся мне, что это так и было.

Летом я проверил берлогу Потапыча — она была пустой. Не обнаружилось и следов зимней охоты, отстрела его в берлоге. Значит, он благополучно пережил зиму. А затем пропал. Теперь на Тёплой протоке хозяйничает Верзила, который отбил её у Лопоухого. Завтра я попробую и Верзилу проводить до берлоги. Надо находить путь к его медвежьему сердцу, приучать к себе.

А ведь однажды я убил медведя. Это было более тридцати лет назад. Тогда я только начал работать в Горячей Долине гидом-проводником. В большом количестве в Долину приходили туристические группы, и я должен был встречать их, показывать гейзеры, рассказывать о них, следить за порядком и, естественно, охранять туристов от многочисленных медведей. Для этого мне выдали старенький карабин с патронами. Это сейчас Горячая Долина обустроена, через её территорию проходят дощатые пешеходные мостки, построены смотровые площадки, а тогда туристы вытаптывали всё вокруг, хрупкие гейзериты растаскивали на сувениры, рядом с булькающими горячими грязевыми котлами выкапывали ямы для мусора, туалетов не было. Естественно, запахи помоек привлекали медведей, которых и без того в Долине было много. Повадилась ходить к домику туристов молодая медведица. Разоряла всё, что могла, лезла через окно на кухню, постоянно пугала людей, невозможно было нормально проводить экскурсии, спокойно спать ночью. Очень пакостливой оказалась девушка. Мне предписали застрелить её. А я же никогда не стрелял, тем более в большого хищника. Трусил страшно. Но всё-таки я её выследил. Она стояла метрах в пятидесяти и безмятежно, ничего не чувствуя, не понимая, смотрела на меня. Я вскинул карабин, но руки тряслись. Тогда я испугался ещё больше: а вдруг она бросится на меня, а я не смогу выстрелить или не попаду? Кое-как справившись со страхом и волненьем, вновь вскинул карабин, прицелился. Она стоит.

— Убегай, дура! — крикнул я, опуская ствол.

Она вскинулась, развернулась и в два прыжка ушла в кустарник. А я поплёлся на базу. Вечером по рации спрашивают: убил? Я отвечаю, что нет, не далась. Мне приказали строже: убей! И на следующий день я её застрелил. Причём положил одним выстрелом. Туристы разделали тушу, ели мясо, запивая водкой, а я даже к костру не вышел. С тех пор ружьё в руки не брал, да и купил-то его только недавно, когда стал сопровождать в походах по заповеднику иностранных учёных. Меня обязали иметь ружьё для безопасности людей. Но стрелять в медведей, слава Богу, пока не пришлось. Да едва ли я бы и смог...

Я долго работал в Горячей Долине гидом. Кого только здесь не сопровождал! Были космонавты, министры, премьер-министры разных стран, знаменитые артисты, певцы. Я распускал перед ними хвост, упоённо рассказывал им о гейзерах, они очень были довольны мною. В книге отзывов писали всякие хвалебные слова. Меня это подвигало на ещё более дотошное изучение

уникальных объектов Долины. А самыми уникальными, интересными для посетителей были, конечно, многочисленные медведи. Их здесь встречали каждый день, и не по одному. Люди задавали мне вопросы: почему они такие огромные, не кинутся ли на нас, когда залегают, когда просыпаются и так далее. Готовясь к ответам, читая о медведях книги, я понял, что это мой зверь, меня тянет к нему. Однажды я осознал это отчётливо и конкретно, во мне толкнулось что-то, открылось, и с тех пор медведи со мной, а я с ними. Дошло до того, что мне иногда самому хочется стать медведем. Ненадолго, чтобы изнутри посмотреть некоторые особенности их жизни, лучше понять их, поговорить с ними.

Вообще, Камчатка — уникальное медвежье место. Ещё Степан Крашенинников, почитаемый мною, да и всеми камчатцами первый учёный полуострова, писал в своей знаменитой книге "Описание земли Камчатки": "Особливо же много на Камчатке медведей и волков, из которых первые летом, а последние зимою, как скот, по тундрам ходят". Я эту цитату всегда привожу, когда выступаю перед студентами или школьниками. И всегда добавляю: ай да Крашенинников, как образно и точно сказал! После его слов легко себе представить, как много было на Камчатке медведей. Это изобилие и сейчас поражает воображение людей, что уж говорить о стародавних временах! Действительно, бурые медведи тогда *ходили, как скот, по тундре*!

По описанию того же Крашенинникова, промышляли медведей двумя способами: стреляли из луков и били в берлогах. Когда охотник добывал медведя, то обязательно созывал гостей и потчевал мясом, потому что медвежатина считалась деликатесом. А череп зверя вывешивался над балаганом "для чести".

Медвежьи шкуры шли у камчадалов на постели и одеяла, а из выделанной кожи шили шапки, рукавицы, подошвы для зимней обуви и собачьи ошейники. Из лопаток медведя изготавливали серпы, чтобы косить траву. Весной, когда палит солнце, кусками выделанных до прозрачности медвежьих кишок женщины закрывали от загара лица. Одним словом, от туши добытого медведя почти всё годилось в хозяйстве камчадалов.

Увы, ситуация резко изменилась, когда на Камчатке во множестве появилось огнестрельное оружие. Были отброшены в сторону многие условности и традиции, да и добывать зверей, в том числе и гигантских медведей ростом до трёх и более метров, стало проще. Некогда необычная, почитаемая охота на этого хищника превратилась в массовую. Начиная с послевоенных лет, медведь на полуострове был поставлен вне закона, наравне с волком считался вредным хищником, и за его уничтожение выплачивали премию. Заготовительные организации платили по десять рублей за шкуру медведя. А на свободном рынке охотник продавал её и за все тридцать, а то и пятьдесят-семьдесят рублей. Охотхозяйства, нацеленные только на наживу, не тратили деньги на учет и оценку охотничьего фонда популяции. Медведей действительно на Камчатке было "не меряно", и люди привыкли к мысли, что так будет всегда.

"Не меряно много" — это, конечно, хорошо, но сколько же точно на Камчатке было бурых медведей и сколько имеется сейчас? Считал и считает ли их кто-нибудь? Я пытался добыть такие цифры, когда занялся медведем всерьёз. И вот что у меня получилось.

Сведений об учёте медведей в XIX веке нет. В XX веке их количество впервые обобщил учёный Анатолий Георгиевич Остроумов. По его данным, на Камчатском полуострове в период с 1955-го по 1965 годы обитало пятнадцать-двадцать тысяч медведей. Я уверен, что ко времени работы Остроумова на Камчатке уже вовсю процветало браконьерство, поэтому так мало осталось медведей. Зверя стреляли все, кому не лень, тем более что встретить его в лесах и тундрах Камчатки ничего не стоило. Убивали медведей уже не на пищу, а только из-за шкуры и, чаще всего, из-за жёлчи. Недаром в начале 1990 годов камчатские газеты пестрели объявлениями типа: "Продам медвежью жёлчь", или: "Куплю медвежью жёлчь". Лечебное свойство жёлчи медведя высоко ценится в Китае, Японии и Корее. Именно туда и сбывалась в большом количестве жёлчь камчатских косолапых. В тайге

можно было встретить брошенные медвежьи туши, из которых не было взято ничего, кроме жёлчи. Убивали, вырезали жёлчный мешочек, а тушу бросали. И так — десятки и десятки зверей. По моим данным, медведей у нас осталось не более десяти — одиннадцати тысяч.

В последнее десятилетие XX века камчатские охотхозяйства стали практиковать иностранную охоту на медведя. Нет, не наши охотники выезжали за границу, чтобы помочь "зарубежным товарищам" отстрелять их хищников, а на Камчатку привозили иностранцев, чтобы "попотчевать" интересной, экзотической охотой. И количество медведей, добытых иностранцами, растёт из года в год. В 1999 году, например, из 300 официально отстрелянных зверей иностранные охотники добыли 178, тогда как восемью годами раньше из всего 450 добытых медведей иностранцами было убито лишь 76. Налицо две тенденции. Первая: охота на медведя превращается в элитарную, доступную лишь иностранным охотникам и высокопоставленным лицам Камчатки и Москвы. Недаром общее количество добытых медведей уменьшилось, а это значит, что уменьшилось число простых российских охотников, официально взявших лицензии. Вторая тенденция: рост доли иностранцев в отстреле зверей.

Обе тенденции для меня тревожные. Но если первая — больше в моральном смысле, то вторая ведёт к полному исчезновению крупного медведя на Камчатке. Дело в том, что иностранным охотникам нужен на Камчатке не просто трофей, а выдающийся трофей. Последнему немецкому бюргеру или американскому бухгалтеру, сумевшим наскрести необходимую сумму для поездки в Россию, на Камчатку, хочется привезти домой шкуру и череп гигантского медведя, под три метра и больше. И наши егеря беспрекословно идут на это, выискивая для гостей наиболее крупные экземпляры. Ведь гость платит, а что ещё нужно в наше время, кроме хороших денег? Только ещё более хорошие деньги. Так из года в год идёт селективный отстрел зверя, когда выбиваются крупные самцы и ухудшается генофонд популяции. В брак с медведицами всё чаще вступают средние по размеру и мелкие медведи, соответствующими рождаются и медвежата.

На Камчатке — самый крупный медведь в мире. Это подтверждают и сами иностранные охотники, которые охотятся всюду, стреляли зверей во многих уголках Земли, могут сравнивать. Много этого зверя на Аляске, но там остался мелкий медведь, а ведь большинству охотников нужен интересный трофей, чтобы было, чем похвастаться. Вот ведь как...

Ах, медведь, мой медведь, как защитить тебя от людского беспредела? Нам повезло, что есть на Камчатке заповедники, где медведю ничего или почти ничего не угрожает, и гиганты типа Потапыча или Верзилы ростом более трёх метров ещё встречаются. Но долго ли такое протянется? Я взялся за защиту медведя, начал выступать с лекциями и публикациями. Кажется, меня слышат, приглашают то в Японию, то в Штаты, недавно во Францию летал. Но слышат в основном такие же, как я, — любители природы, учёные, энтузиасты. И почти совсем не слышат охотники, бизнесмены от охоты. Поэтому я боюсь за нашего медведя. Боюсь теперь за Верзилу, хотя он живёт в Долине, да ещё и под моей опекой. Верзила, как я успел заметить, огромен, и при этом длинноног, статен. Очень необычный медведь, поэтому он вполне может приглянуться кому-то из высокопоставленных или просто богатых охотников, которым ничего не будет стоить незаконно и незаметно прилететь сюда на вертолёте и взять интересную добычу прямо с воздуха. Может быть, так, кстати, взяли и моего Потапыча...

4. МЕДВЕЖИЙ ЗОВ

Всегда засыпаю быстро, а сегодня не смог. Голова долго оставалась ясной, а мысли глубокими. Вспомнилось военное, голодное детство, молодая, заплаканная мать, получившая похоронку на отца. Вспомнился дед с чёрными, натруженными руками, бабка, вечно возившаяся с кастрюлями и пойлом для скотины. Я в школе срываю уроки, учителя жалуются деду,

тот берётся за прут. Два года в пятом классе, а позже — страшное желание учиться, книги до утра, под фонарик. Но желания не стыковались с реальностью, поэтому осталась привычка к самообразованию. Здесь выработалась своя система, помогавшая мне быть не самым последним во многих вопросах.

Мысленно перебрал, переласкал пять тысяч негативов и столько же слайдов с медведями, снятых лично мною. А ещё лежат километры видеоплёнки, сотни килограммов исписанных дневников. Вспомнились и лекции в зарубежных университетах, в Московском университете. И, конечно, моя книга о медведях, которую и в руках-то почти не держал — только показали, дали полюбоваться сигнальным экземпляром.

Может быть, хватит работать в поле, ходить за медведями? Наверное, давно пора остепениться, осесть в городе, обрабатывать накопленные материалы, анализировать, писать, издаваться...

За мыслями я всё-таки незаметно уснул, потому что увидел что-то страшное, чёрное, бесформенное, во всю избушку. Затем оно уменьшилось и превратилось в погибшего от медведя японца Хоши. Да, это он наклонился надо мной, шепчет по-русски:

— Мы с тобой одной крови, но я после смерти — медведь, а ты ещё человек. Хватит, уходи в лес, будем вместе.

— Хватит, хватит, хватит! — кричу я и просыпаюсь.

Что-то не выдерживают нервы, наверное, устал. Да и одиночество сказывается. Не пора ли на утреннюю связь, где часы? Нет, рано ещё, спит Камчатка. Надо досыпать и мне. Но опять не спится. Ходит кто-то возле избушки, что ли? Да нет, тихо. Или ходит? Может быть, сегодня пропустить день, не искать Верзилу?

Кое-как дожидаюсь связи. Подтвердили, что вертолёта не будет. Нет, пойду к Верзиле! Иначе всю зиму буду жалеть, маяться, ругать себя за лень, нерасторопность, минутную слабость. Для меня это как наркотик: постоянно хочется видеть медведя, смотреть, как он двигается, сидит, лежит, ест. Видеть! Просто видеть, любоваться! При этом ловить запах снега, прели, оставленной лёжки, далёкого океана. И слышать крики птиц, мечтать о доме, о будущих статьях и книгах.

Когда пятнадцать лет назад меня пригласили в Сочи на совещание по медведю, я привёз свою фотовыставку. Впервые меня пригласили! И впервые я так широко показал свои снимки. Как они смотрели! И как я, автор, до сих пор смотрю те снимки моего первого медведя — Карнаухого! Это же шедевры! Но ничего в жизни нельзя повторить. Ничего, как ни пыжься. Сейчас я совсем другой и давно не снимаю по двести-триста плёнок за сезон. Не сижу ночами в ванной за проявкой и увеличителем. И нет Карнаухого, нет Потапыча...

Может, действительно, хватит?

Пью чай, смотрю, как светлеет в оконце, прорисовываются стены в избушке, играют на потолке блики от огня в печке. Однако пойду, воспользуюсь лишним днём. Нужен мне Верзила! Необычный это медведь, очень необычный. Вдруг весной не объявится, исчезнет, уйдёт? Ведь ругать себя буду!

Рассвет ещё далеко над океаном, а я уже бегу по вчерашней лыжне. В тихом лесу морозно, свежо. Но бег греет. Зря чаю надулся, сейчас весь через кожу выйдет.

Перехожу заснеженный ручей Орланий, сворачиваю в соседний распадок, поросший молодым, светлым березняком. Летом здесь стена шеломайника, а сейчас хорошо, гладко и только сухие дудки торчат из-под снега. Недалеко — гнездо белоплечих орланов. Они тоже мои особенные подопечные, любимцы. Я и ручей свой назвал в честь этих красивых, огромных птиц.

Начинаю подъём на водораздел между Орланьим и Берложным. Опять березняки, на склонах — заросли кедрового и ольхового стланика. Всё знакомое, родное, не единожды хоженое.

Теперь надо быть внимательнее, подхожу к тому месту, где вчера лежал Верзила. Кажется, тихо. Долго смотрю в бинокль, затем осторожно подхожу к зарослям ольхи. На лыжах в них не залезть, поэтому снимаю их, оставляю рюкзак и бреду по снегу в болотных сапогах с поднятыми голенищами.

Лёжка пустая, оставленная утром. От неё пошёл след наверх. Ну, что же, начнём догонять.

Прохожу ещё с километр, когда вдруг настораживает слабый треск впереди. Резко останавливаюсь, снимаю свой старенький, потёртый малахай и слушаю. Да, в ольховнике впереди, на склоне над ручьём покачиваются ветки. Это он! Но как же мало он прошёл от лёжки! Почему? Беру чуть в сторону и осторожно подхожу с подветренной стороны к зарослям. До него примерно метров сто. А день какой яркий разыгрался, тёплый! Ну, что может случиться в такой день? Конечно, Верзила сейчас осторожен, да и нервничает перед залеганием в берлогу, это у медведей обычное дело. Но и мне не впервой разумно рисковать. Видимо, там у него берлога, иначе не объяснишь такое малое расстояние от вчерашней лёжки. Устраивается или уже окончательно залёг?

Я подхожу к краю ольховника, снимаю лыжи, рюкзак, оставляю себе только фотоаппарат и кладу в карман газовый баллончик. Крадучись, стараясь совсем не шуметь, вхожу в заросли. Как же густо растёт ольха, изогнутая снегами вниз по склону! Буквально каждую ветку приходится медленно и бесшумно приподнимать, чтобы пролезть под ней. Иногда, правда, встречаются плешинки в зарослях, и тогда я беспрепятственно преодолеваю несколько метров. Снег здесь глубже, чем на полянах, иногда проваливаюсь до колен, это тоже мешает передвигаться. Ничего, ещё немного, и я его увижу.

После каждого пройденного метра внимательно вслушиваюсь и гляжу вперёд. Я его ещё не вижу, но постоянно слышу. Значит, он не чует и не слышит меня, иначе бы затаился. Это придаёт мне уверенности. Я иду почти параллельно склону, а он, возможно, лежит ко мне спиной, к тому же слегка урчит и покряхтывает, что отвлекает его.

Кажется, теперь вижу! Да, это он, лежит на снегу, возится. То ли заледеневший снег с подошвы выгрызает, то ли что-то ест. Это не берлога, обычная лёжка. Просто ему, отъевшемуся рыбой, по глубокому снегу тяжело идти, вот он и отдыхает так часто. Открываю фотоаппарат, ловлю его в видоискатель, но ветки заслоняют. Значит, надо подойти ещё чуть ближе.

В это время Верзила услышал меня и повернул голову, шевеля ноздрями. Я отвёл глаза. Он зарычал, и я инстинктивно подался назад. Он зарычал опять, раздражённо разглядывая меня. Я сначала попятился, а затем бросился от него напропалую через заросли, широким шагом, нагибая, отталкивая от себя, обламывая тонкие ветки ольхи. Сухие серёжки засыпали, зажелтили снег на моём пути. Выскочив из зарослей, я отдышался и прислушался. Тихо. Значит, он не встал. Слава Богу!

Я надел лыжи, прошёл вперёд метров пятьдесят. Минут десять-пятнадцать постоял, давая медведю время успокоиться. Затем вновь вошёл в заросли ольхового стланика. Как раз с этой стороны я видел между ним и кустами небольшую проплешину, поэтому через неё мне удобнее будет наблюдать и фотографировать. Опять иду осторожно, поднимая над собой каждую ветку. Плохо, что теперь поднимаюсь почти в лоб склону. Но, кажется, уже близко. Держу фотоаппарат наготове. Верзила вновь поворачивает ко мне голову, злобно рычит, обнажая огромные верхние клыки, а затем тяжёлым рывком, опираясь на задние лапы, встаёт и, с треском ломая ветки, рысью убегает вверх, оставляя после себя настоящую просеку в зарослях и глубокую траншею в снегу.

Я замираю, пружиня ноги, готовый в любую секунду броситься наутёк, к лыжам. Но, кажется, он действительно ушёл, шум отдалился. И ведь ни одного снимка сделать не удалось! А такая была возможность! Ещё бы чуть-чуть он подождал, так резко не вскидывался…

Вновь выхожу к лыжам, надеваю их и осторожно обхожу ольховник. Вот его след: так рысью и махал вверх по склону, несмотря на тяжёлое брюхо. Конечно, долго бежать он не сможет, скоро перейдёт на шаг, поэтому попробую нагнать и выследить его на открытом месте.

Время близится к обеду. Сделаю ещё одну попытку увидеть его и отступлю на часик, чтобы спокойно поесть. Что же ты, Верзила, так резко дал дёру? Давай дружить, уважаемый. Не ерепенься, не злись, я твой друг.

Ты теперь надолго можешь стать объектом моих наблюдений, я тебя покажу всему миру, расскажу о тебе в газетах, журналах, наверное, и в книгах. Дополню тобой свои знания о медведях. Я, Верзила, изучаю твоих сородичей очень давно, я многое про вас знаю, я люблю вас. Я тот, кто нужен тебе. А ты нужен мне. Слышишь, Верзила? Пара снимков, и завтра я улетаю. А ты заляжешь в свою берлогу и нормально выспишься.

Нет, я не кричу, и даже не нашёптываю эти слова. Я всё это обдумываю про себя. Для себя. Верзила всё равно себе на уме, его словами не проймёшь.

Следы ведут к очередным зарослям ольховника. Подхожу к краю, прислушиваюсь, соображая: где он пересечёт их и выйдет? Так и пойдёт наверх или свернёт в сторону и начнёт спускаться в распадок? Я стараюсь заглушить в себе азарт погони, чтобы оставаться бдительным. Иду вдоль заснеженного ольховника. А он сплошной стеной тянется по склону, уводя меня слишком далеко от следа. Придётся возвращаться и рядом с просекой, пробитой Верзилой, пересечь заросли напрямую, иначе я его не найду.

Но, увы, моя затея неосуществима, потому что лыжи, конечно же, тотчас запутаются в кустах. Придётся снять их, пройти через заросли, проверить, вышел ли из них Верзила, а затем вернуться, чтобы уже по его следу уверенно и почти беспрепятственно перейти на ту сторону ольховника.

Скидываю лыжи и осторожно вхожу в густые заросли. Прохожу совсем немного, когда вдруг слышу страшный шум впереди. С веток мощным веером брызгает снег, упругий куст больно хлещет меня по лицу и, похоже, до крови рассекает кожу. Успеваю чуть-чуть отступить, но вязну, вязну, о, Боже, вязну в снегу, медленно приседая. А он встаёт надо мной — страшный, свирепый, огромный. Его мощные передние лапы с растопыренными, острыми когтями — у меня перед глазами. Мне некуда деться — кругом снег и густой кустарник. Сейчас он навалится на меня, раздавит, растерзает, изорвёт. Что я могу предпринять, как делал это не раз? Что?

И вдруг рядом, словно тень от искромётной молнии, появляется японец Хоши. Он весь чёрный и ловкий, как ниндзя. Он выхватывает меня из-под гиганта, и мы стремглав бежим от него через кусты, затем через заснеженную поляну, куда-то ещё дальше. Меня оставляют силы, темнеет в глазах, но Хоши кричит на ходу:

— Не отставай! Не отставай! Ведь мы теперь с тобой оба медведи! Мы сильные!..

И мы бежим, бежим, бежим, упруго отталкиваясь от земли всеми лапами...